

*Вот и всё, что было, —
Не было и нету.
Правильно и ясно.
Здорово и вечно.
Всё как у людей.*

ЕГОР ЛЕТОВ

От автора

Это второе, дополненное и откаченное к авторской версии издание сборника, вышедшего в 2021 году. Здесь собраны почти все, скажем так, нереалистические повести и рассказы для взрослых, которые я написал за двадцать лет (еще отдельными книжками выходили повесть и рассказ для подростков).

Все эти двадцать лет меня называли фантастом. Пару пяти-леток я терпеливо объяснял, что фантастику люблю читать, а писать не умею, потом понял, что бесполезно. И, чтобы избавиться от комплекса самозванца, начал сочинять фантастику, а заодно мистику и хоррор, — держась, как правило, малой формы. Не без труда.

Рассказы я писал в детстве, а когда вырос, перестал, и все написанное чудесным образом потерял. Всерьез я взялся за прозу ближе к тридцати, и почему-то с самого начала наиболее естественным и удобным для меня жанром оказался роман. Сюжеты для рассказов и повестей, конечно, придумывались, записывались пачками, но тут же забывались. Смысла тратить время и силы на небольшие тексты я не видел.

Возможно, потому, что малая повествовательная форма слишком близка к журналистским форматам, которыми я занимаюсь по жизни и профессионально. Ну и некуда было особо-то писать. Новое время вымыло из читательского оборота литературную периодику и приязнь к сборникам.

Но времена меняются — и местами к лучшему.

Большинство представленных в книге текстов появилось в ответ на просьбы, подначивания и попытки взять «на слабо». Обычно на предложение написать что-нибудь для кого-нибудь я реагирую вежливым отказом, прикрывающим панику и агрессивную лень. Но иногда предложение цепляется за давнее печальное размышление: «Вот из этого мог бы получиться неплохой рассказ, кабы я писал рассказы» — и я, попыхтев, сажусь за текст.

За пару десятилетий я написал двенадцать романов, подростковую повесть, несколько рассказов и вот эту книжку.

Это просто фантастика.

Это второй мой взрослый прозаический текст, интересный сразу несколькими обстоятельствами.

Во-первых, сюжет родился из случайно увиденной надписи мелким шрифтом на этикетке: «Вода добывается из юрских пластов». Строчка немедленно развернулась в цепочку размышлений, которая должна была стать основой микрорассказа странички на четыре. А в итоге я хватал себя за руки и рубил по живому, чтобы не свалиться в эпос, каковой представляется мне слишком жирной проекцией одной строчки.

Во-вторых, «Эра Водолея» заставила меня смириться с тем, что ничего нельзя придумать, — потому что все придумано за нас. Я писал повесть, тихо радуясь свежести сочиненного хода: мелкая политическая интрига перетекает в запредельную жуть. Хотя помнил, конечно, и волшебные повести Пу Сунлина, и мистическое вмешательство в политическую паутину Датского королевства. А дописав, прочитал статью про татарский фольклор — и обнаружил, что ничего я не сочинил, а просто нечувствительно перенес в наши дни популярнейший полтыщи лет назад сюжет. Впрочем, это обстоятельство меня не столько расстроило, сколько развеселило. Получается, не зря вышли мы все из народа.

Наконец, именно «Эра Водолея» и обстоятельства ее публикации определили мою, скажем так, литературную репутацию и судьбу. Я был журналистом самой авторитетной газеты страны и автором залихватского политического триллера, напечатанного полутора годами раньше. Соответственно,

шансов увернуться от этикеточки либерально-патриотического публициста у меня почти не было. Вопрос состоял лишь в том, к какому роду диванных войск меня приписать. И тут вышел второй мой текст, мало того что не слишком, прямо скажем, стандартный и форматный, так еще опубликован он был в знаменитом литературном «толстом» журнале «Знамя», напечататься в котором — честь и предмет мечтаний любого человека, связанного с отечественной литературой. Столь замысловатое сочетание привело заметную часть критиков и экспертов в очевидное замешательство, а мне позволило следующие лет десять провести в мерцающем режиме автора, которого проще не заметить, чем мучиться с его корректным описанием.

Хорошее было время.

Эра Водолея

Федеральный инспектор

Денис подозревал, что шеф вернется из Нижнего огорченным. Но такую степень нервного расстройства предвидеть было невозможно. Выражение «не в духе» представлялось географически некорректным — складывалось ощущение, что дух так и завис в Нижнем, подвываясь горьким полустоличным тлением. А шеф — вот он, прибыл и вызвал.

И теперь из Дениса тоже дух вон. Совсем.

— Денис, — ласково сказал ГФИ. — Напомни, когда у Мухутдинова полномочия кончаются?

— Четырнадцатого марта, — удивленно сказал Денис.

— А сегодня у нас что?

— Седьмое июля.

— И остается сколько? — не меняя интонации, спросил ГФИ.

— Ренат Асрарович, не мучайте, — подумав, сказал Денис. — Что случилось-то?

— А ничего не случилось. Ничего, Денис Маратович, не случилось. Потому что мы, Денис Маратович, ни черта не сделали. И ни хера не подготовились к внесению. А вносить уже через месяц надо. И что?

— Так есть же список, — не понимая, сказал Денис.

— Нету! — воскликнул ГФИ и даже привстал. — Нету. Полпред его вот так вот взял, херакс — пополам, херакс — еще раз пополам. И нету списка. И сказал: вот, дорогие коллеги, из-за таких списков у нас вертикаль власти похожа на Пизанскую башню. Сначала, грит, предлагаем обсосов или кретинов с вот такими рылами, потом продвигаем их сквозь дождь и ветер, потом, грит, вытираем им носы и греем задницы.

А потом начинаем снимать. Потому что они доказывают, что в самом деле обсосы и кретины. Спасибо, крик, Ренату Асраровичу за блестящую иллюстрацию. Вот. А от меня тебе, Денис, персональное спасибо. Помог произвести впечатление.

— Зачем вы так говорите, Ренат Асрарович? — спросил Денис. — Нам же сам полпред жесткую установку давал, как составлять. С партиями, с общественными организациями. На совете нашем обсудили...

— Да что твой совет! Шушеру набрали, теперь без вони и не выгонишь, — сообщил ГФИ и уставился в окно.

Денис не стал напоминать, что совет создан при ГФИ и по его инициативе. И шушеру из наиболее амбициозных чиновников и крикливых бизнесов ГФИ набирал самолично. И не он был виноват в том, что нижегородское начальство получило новые ЦУ и принялось претворять их в жизнь — со всей доступной полпреду живостью и последовательностью. Вины Дениса в этом тоже не было, но сегодня он был крайним. А крайнему лучше отмалчиваться, пока туча не опорожнится. Вот Денис и решил отмалчиваться.

Не удалось.

— Молчать будем или конструктив предлагать? — не отрывая взгляд от окна, осведомился ГФИ.

— Ну, что конструктив... Можно вернуться на исходные, взять лонг-лист...

Зря Денис это сказал. ГФИ вместе с креслом подпрыгнул чуть ли не выше верхней кромки монитора.

— Лонг-лист! Им даже задницу не вытереть — не расцарапаешься, так отравишься через анус. Мне этим лонг-листом чуть щеки вчера не отрезали! Сказали, что я странно понимаю суть кадровой политики. Денис, ты не понял, что ли? В обоих списках — что коротком, что в лонге этом — либо обсосы, либо люди Мухутдинова! Это что, операция «Спецпреемник»? Извини, у нас для удачного проведения таких операций другие люди есть. И не здесь.

Денис открыл было рот — но тут же и закрыл. Уставал он от таких разговоров. Да и чего было говорить? Вводная поменялась. Все свободны, все на свалку. Напрасными оказались несколько месяцев напряженной и неприятной работы, выматывающих консультаций, общения с настойчивыми людьми, почти каждый из которых пытался доказать, что именно он — тот, кто нужен Кремлю. Одни тупо пытались купить, другие просто хотели понравиться — но почти все стремились утоптать возможных конкурентов. От этих экскурсий в банку с пауками Денис устал страшно. На одно надеялся — что ГФИ после поездки в Нижний отпустит Дениса в отпуск. На неделю хотя бы. Личные дела в норму привести.

Надежда умерла. И явно не последней. Следующей, судя по Светкиным заявлениям, была любовь. А с верой Денис покончил давно и самостоятельно.

— В общем, ищи мне верного кандидата, — велел ГФИ и посмотрел на подчиненного.

— Хорошо, — ответил подчиненный и повернулся, чтобы идти. Делов-то. Велели есть контакт, будем есть контакт.

И тут ГФИ сказал главное:

— Сегодня ищи.

— Как это? — не понял Денис.

— Вот так это, — устало ответил ГФИ. — Сегодня даешь мне список новых людей. И не обсосов. Помнишь, как Стендаль говорил?

У Дениса при слове «Стендаль» перед глазами возник только черный облезавший дерматин корешков четырехтомника в родительском шкафу, а потом — широкое красивое лицо актера из древнего боевика про пиратов. Он на всякий случай неопределенно усмехнулся.

— Опирайтесь можно только на то, что оказывает сопротивление, — объяснил ГФИ, видимо, словами Стендаля. — Понимаешь? Наша задача — найти того, кто оказывает сопротивление, измерить это сопротивление, опереться — и представить

его руководству. Если убедимся, что человек, понимаешь, достоин. Понимаешь? Достоин. Все, иди. Вечером жду.

Денис сначала запретил себе хлопнуть дверью, потом плавно развернулся, вышел, умело не хлопнув дверью, и дошагал до своего кабинета. Там он тоже не хлопнул дверью, аккуратно ее затворил и только после этого вполголоса сказал несколько десятков слов, которые не имели отношения к поставленной начальством задаче.

Задача решения не имела. Лонг-лист можно было критиковать по разным причинам, но он ведь был исчерпывающим. За его пределами остались только маргиналы и реальные обсосы.

Денис понимал, что эта максима, как и всякое утверждение, была ложью. В лонг-лист вошло пятьдесят два человека. В Татарстане жили четыре миллиона человек. Наверняка среди них можно было не найти, так самим вырастить из произвольно взятого эмбриона мощного и динамично развивающегося политика, который при этом гарантированно не оказался бы преемником Мухутдинова. Беда в том, что подобные селекционные мероприятия даже у Мичурина и даже с растениями занимали по несколько лет — и без гарантированного результата. Экзерсисы с людьми были совсем неплодотворными, о чем свидетельствовала вся человеческая история и немножко культура (Галатея, Голем там всякий, чудовище Франкенштейна опять же). Правда, у России собственная гордость. Денис давно подозревал, что именно величина национальной гордости, а также само ее наличие у образования, традиционно относимого к женскому роду, мешает поступательному движению родины.

Был еще резерв «запредельщиков» — татар, живущих за пределами Татарстана. Москва почему-то никак не могла отделаться от убеждения, что республикой может править только представитель коренной национальности (это был третий параметр поисков). Лично Дениса это, во-первых, удивляло. При советской власти заявленный принцип опровергался

постоянно — и ничего, Татария жила и благоденствовала. Во-вторых, такой подход Кремля федерального инспектора расстраивал. Вопреки фамилии, отчеству и записям в анкетных данных, Денис себя татаринком не считал. И при получении первого паспорта, между прочим, записался русским — уж простите, по матери. Из новых паспортов графа «национальность» исчезла, зато торжество так называемого федерализма подняло нацменов на щит. Соответственно, публичного обсуждения проблем идентификации Денис Сайфиев избегал, с татарами, которые считали его своим, не спорил. Таких татар было немного — зато среди них был ГФИ. С его поддержкой Денис мог не опасаться за развитие карьеры, которое, естественно, в один Татарстан не уперлось. А то обстоятельство, что начальство вело происхождение из сибирских краев и родного языка почти не знало, позволяло и фединспектору поплевывать на всех недоброжелателей и на проблему изучения второго государственного языка. Впрочем, необходимый минимум в тысячу слов Сайфиев освоил и даже получил по этому поводу сертификат и похвалу начальства. Ведь от федерального чиновника знания *basic tatar* не требовалось. От него требовалось доскональное владение ситуацией по месту службы. А в этом владении язык был сугубо факультативным доминионом.

Знакомство с раскладами внутри четырехмиллионного отряда татар, посеянного за пределами исторической родины, было совсем лишним. Приглашение варягов на княжение в последние годы практиковалось активно, но нигде — или почти нигде — итоги эксперимента не были признаны удачными. Денис это знал от ГФИ, поэтому при подготовке списка кандидатов стоически игнорировал попытки занести в лонг-лист запредельщиков. Несмотря на то что ходатаи этого варианта были страшно настойчивы и трактовали глагол «занести» предельно широко.

В общем, Сайфиев был убежден, что ликвидированный полпредом список является единственно возможным. Кабы

это было мнение одного Дениса, можно было бы подергаться. Но уверенности нескольких десятков профессиональных политиков и политологов, вынудивших и пошинковавших за последние месяцы душу Дениса (или что там от нее сохранилось после того, как он стал федеральным инспектором), противопоставить было решительно нечего.

Ресурсов не осталось. Это было не то что плохо или ужасно. Это был конец карьеры и смыл федерального инспектора по Республике Татарстан Сайфиева Дениса Маратовича в канализацию. Равнодушный и безвозвратный.

Смываться не хотелось.

Денис распахнул окно и проделал сяо пао цюань таолу. Это помогло успокоиться и понять, что надо предельно сузить задачу. Последние полчаса Денис пытался найти пресловутую кошку в пресловутой комнате. Что было глупо и не отвечало требованиям субординации. Дело Дениса было собачье: провести инвентаризацию кошек и отчитаться. А идентифицировать, определить окрас и интронизировать кошку предстояло ГФИ и президенту страны.

Техническая проблема требовала технического подхода. До конца рабочего дня оставалось шесть часов. Даже девять — с учетом того, что ГФИ раньше двадцати одного ноль-ноль домой сроду не уходил. Достаточно, чтобы тупо обзвонить коллег в соседних регионах, еще раз обменяться опытом составления списков и применить подсказанные методики на местном материале.

Хватило двух часов. В четырнадцать ноль-ноль Денис ворвался в кабинет ГФИ, размахивая сцепленной парой листов. Это был не список, а развернутая справка на одного человека. Большого и не требовалось.

Главный федеральный инспектор

— А чего ты так радуешься-то? — строго спросил Шайхельисламов. — Если ты прав, мы полгода зарплату зря получали.

— Вот именно! — восторженно подтвердил Сайфиев. — Мне когда Серега Николаев сказал: так вы с глав и начните...

— Что за Николаев? — насторожился главный фединспектор.

— Ну, кировский инспектор, Серега, мы с ним вместе по кадровой программе Кириенко шли.

Шайхельисламов кивнул. Сайфиев продолжил:

— Вот, и Серега мне говорит: в правильных олигархах и гендирах крупных компаний руководство разочаровалось. Так что первым делом главы и бывшие главы, особенно снятые за последние год-два. Я еще подумал: вот он мне будет азбуки рассказывать, как будто мы не знаем. Ну, Николаев еще пару таких вот общих мест сказал, я «спасибо» говорю, а сам думаю: голяк, надо всем остальным звонить. Но все-таки решил себя проверить, список районов взял, и читаю: Агрызский — ну, там Марченко, сразу не подходит, Аждахаевский, значит, Азнакаевский — это Камалов, стопудово человек Мухутдинова... А потом так себе: стоять. А чего ради это я Аждахаево проскочил? Потом начал вспоминать. И что получается. Ни разу ни одна зараза про Насырова ни слова не сказала. Ни в совете, ни просто так. Контент-анализ по СМИ быстренько запустил — еще интереснее выходит. Полтора года назад Насыров был в двадцатке самых упоминаемых политиков республики. Потом — резкий спад. А с конца прошлого года — вообще как отрезало. Как будто нет такого главы и такого района. Даже в криминальной хронике не проскакивает, а так не бывает. Вот что это значит, Ренат Асрарович?

— И что это значит, Денис Маратович? — покорно переспросил ГФИ.

— А то, что примерно в это время мы объявили о начале непубличных консультаций по поводу кандидатуры будущего президента.

— И что, прямо вся элита, партии и журналисты дружно сплотились против Насырова?

— Ну, тут вообще странно. Вы же видите.

ГФИ снова углубился в справку. Он видел, что тут вообще странно.

Альберт Насыров родился пятьдесят четыре года назад в Бавлинском районе Татарстана. Окончил Казанский сельхозинститут и Академию народного хозяйства при Совмине Союза. В советское время шел сначала по комсомольской, потом по профсоюзной линии, но вовремя перековался в крепкие хозяйственники: возглавил крупный бавлинский совхоз, был замечен, попал в казанскую номенклатуру: стал начальником отдела в Минсельхозпроде, затем замминистра, наконец, министром. Говорили, что Мухутдинов ему благоволит. Так что быть бы Насырову вице-премьером, а потом и премьером правительства республики. Но карьере сгубил буйный нрав министра. Четыре года назад очередное совещание в честь завершения уборочной завершилось банкетом, а банкет — скандалом. Насыров подрался с министром внутренних дел. Причина и прочие подробности инцидента остались тайной. Но, судя по последствиям, зачинщиком (и победителем) оказался именно Насыров. Во всяком случае, главный милиционер появился на работе только через пару недель, официально проведенных в отпуске. К тому времени Насыров уже вылетел из кресла — прямо в малопочетную ссылку, местом которой был определен заброшенный Аждахаевский район.

Естественно, глава МВД также продержался на посту недолго — Мухутдинов, при всех его недостатках, лузеров в окружении не любил. Москве такой силовик тоже был не слишком нужен. Новым главой МВД стал начальник местной криминальной милиции, бывший чемпион милицейского спецназа по рукопашному бою (федеральное министерство тогда в очередной раз отказалось от разгульной межрегиональной ротации кадров). А Насыров, перед которым была прозрачная альтернатива: сгнута в изгнании подобно Меншикову или

искупить вину доблестным трудом, — умудрился найти третий вариант.

Он в короткие сроки преодолел депрессию с запоем и принялся рьяно поднимать новый участок работы. Поначалу не без помощи Казани, которая все-таки не стала добивать вешлом упавшего за борт товарища. Насырову удалось перерегистрировать в Аждахаеве дочку «Татнефтегаза» и разом вдвое увеличить поступления в местный бюджет. Далее бюджет утроился — уже без помощи республиканского центра.

Насыров ввел режим наибольшего благоприятствования для местного бизнеса, не только объявил, но и добился регистрации юрлиц в течение двух часов и принялся перекупать в соседних районах толковые кадры, которые расставил на ключевые посты в госструктурах и на контролируемых администрацией предприятиях. В том числе в аграрном секторе, в котором глава администрации фактически восстановил самую заскорузлую госмонополию. Она оказалась удивительно плодотворной.

Одновременно Насыров нырнул в омут социальных проблем. За два последних года жилфонд в Аждахаеве распух на треть — исключительно за счет коттеджей, строившихся в рамках районной ипотечной программы. Впрочем, процентов двадцать нового жилого фонда возводилось за счет средств, сэкономленных отказом от строительства нескольких новых школ. Отказ случился еще до впадения района в полосу информационного отчуждения и вызвал большой скандал. Однако Насыров доказал с цифрами в руках, что при самых благоприятных вариантах демографического развития района в ближайшие десять лет уже существующие школы не будут загружены больше чем на восемьдесят процентов. Поэтому надо не строить новые коробки, которые потом придется за копейки перепродавать под офисы и базы отдыха, а интенсифицировать использование имеющихся мощностей.

В рамках интенсификации глава назначил солидные стипендии и гарантировал жилье аждахаевцам, которые учились

в казанских вузах и подписались под обязательством применять навыки высшего образования на малой родине. Забавно, что стипендии действительно платились, жилье выделялось, молодые специалисты возвращались, а два невозвращенца стали фигурантами показательных процессов, по итогам которых им придется выплачивать полученные за пять лет стипендии с процентами. Не факт, что именно из-за этого — но отток молодежи из района последние годы держался на рекордно низком для республики уровне. А с учетом скупки новых кадров аждахаевцы оказались единственным сельским регионом с заметным приростом населения.

Ради той же интенсификации районные власти запустили программу школьных автобусов. Нельзя сказать, что Аждахаев первым придумало перенести этот опыт, распропагандированный Голливудом, на татарскую землю. Но Аждахаев оказался первым субъектом республики, в котором автобусы возили только школьников, не отвлекаясь на решение насущных коммерческих задач даже в базарные дни.

В общем, Насыров выглядел воплощением горячих мечтаний руссоистов, толстовцев и лично Гоголя Николая Васильевича в период написания второго тома поэмы «Мертвые души». Главным героем передовой статьи в газете «Сельская новь», а то и «Правда» образца 1986 года. Или официального органа «Единой России». Что, впрочем, одинаково. Главное — аждахаевский глава был идеальным кандидатом. Это бросалось в глаза со скоростью хорошего хука, было очевидно до рези. Той, что поражала глаз и мозг любого, кто попытался бы разыскать Насырова в списках претендентов — да и вообще в пределах татарстанской горизонтали власти.

Этого Шайхельисламов понять не мог. Потому и был остро недоволен — вопреки ситуации.

Впрочем, концовка справки давала хотя бы возможность выдвинуть логичную версию, объясняющую обнаруженный феномен.

Главный подвиг Насырова был эпичен: глава дал райцентру воду. Вся инфраструктура, необходимая для водоснабжения, в том числе горячего, была выстроена еще в конце восьмидесятых. Но запустить ее толком не удалось — систему так и не замкнули на дееспособный водоисточник. В постсоветские времена выяснилось, что строить новый водозабор на Каме не хватает штанов ни у района, ни у республики. Пришлось пристегивать Аждахаево к водозабору местных управлений «Татнефтегаза». Но их возможности были скудными. Вода в домах райцентра просачивалась на три часа в сутки — с шести до семи утра и с семи до девяти вечера.

Все предшественники Насырова начинали с попытки решить эту проблему: стучали кулаком на руководство «Татнефтегаза», рыдали на совещаниях в Казанском кремле, пара особо удачливых даже вписалась в федеральные программы. А толку не было.

Насыров поначалу пошел тем же дурным путем, но быстро соскочил с колеи подобно юному Володе Ульянову. Зажав под свое крыло часть «Татнефтегаза», он уверенными пинками загнал в угол его геолого-разведочное подразделение, каковое поставил перед очевидным выбором: или жить ему будет плохо и неприятно, или оно найдет и доставит в краны аждахаевцев качественную воду.

Геологи, частью жившие в Аждахаеве, в ответ вывалили на стол пакет документации, согласно которой район располагал богатейшими — до девяноста тысяч кубометров в сутки — запасами кристально чистой воды. Проблема состояла только в том, что линзы с водой были разбросаны по недрам в лучшем случае на километровой глубине. Причем большая часть случаев была худшей.

Но после того как на первый листок из кипы документов упал жаркий взгляд Альберта Насырова, проблему можно было считать ушедшей из жизни как пирамидальные пакеты для молока — незаметно, но безвозвратно.

Теперь в Аждахаевском районе была вода. Везде. Хоть залейся. Великолепного качества. Правда, только холодная — поселковая котельная за истекшие десятилетия состарилась и пала. Но аждахаевцы не переживали — напротив, говорили, что преступление греть или хлорировать живую воду, за которой знающие люди приезжают из соседних, а хорошо знающие — и из отдаленных районов. В подтверждение неофиты демонстрировали вырезки из местных газет, утверждавших, что артезианская вода в Аждахаеве способствовала эпителизации, укрепляла иммунитет, выводила какие-то шлаки из организма, стимулировала секрецию инсулина, обеспечивала общий тонус и даже действовала как афродизиак. Самое забавное, что казанские специалисты, призванные проверить эти заявления и успевшие откомментировать их до стирания района с событийной карты республики, признали, что не все в этих словах вранье. Ссылались спецы на какие-то темные факторы вроде позитивной ионизации, антитоксической ферментации и слабого защелачивания микрофлорной среды.

— Так, может, в этом и дело, — сказал ГФИ, дочитав справку.

— В смысле? — не понял Денис.

— Насыров живую воду раскопал. Теперь собирается бутылковать. Класс «премиум», все такое. Вот, написано: пуск завода планировался на этот год, объемы в перспективе до сорока миллионов литров в год. Это не баран чихнул. Я так понимаю, казанских экспертов конкуренты привлекли, чтобы на корню проект загасить. Заранее. А раз спецы такие честные оказались, начали рекламу бесплатную толкать... Или Насыров их перекупил? Тогда вообще молодец, а?.. В общем, заказчики увидели такое дело — и вообще район того... деклассировали. Они могут, ты знаешь.

Денис кивнул. Он знал, что разлив воды и безалкогольных напитков в Татарстане курировал сын главы мухутдиновской администрации. Он мог если не все, то почти все.

Тут Шайхельисламов опять блеснул легендарной гибкостью мышления:

— Стоп, Денис. А может, это все мухутдиновская мулька? Как раз на нынешний случай? Он же знает, что мы должны преемственность исключить. Вот он, значит, выбрал Насырова и решил его ото всех подальше спрятать. Чтобы мы, как вот сейчас, нашли и повелись. А?

— Да нет, — сказал Денис, снисходительно улыбаясь. — Там же скандал был.

— Где? — раздраженно спросил ГФИ.

Денис сообразил, что раздражение относится не только к улыбке и тону, но и к словечку «там», которое Шайхельисламов в своем ведомстве плющил как огородник колорадского жука. Сайфиев вздохнул и сказал:

— Насыров скоро год как не приезжает в Казань. Вообще никуда. Последний раз в мае было: Мухутдинов жестко предупредил, что ждет Насырова для разборок по поводу его аграрных экспериментов.

— Каких? Почему в справке нет?

Не оправдываться, напомнил себе Денис и холодно объяснил:

— Потому что неподтвержденная информация.

И замолк, ожидая, чего скажет начальник.

Начальник сказал:

— Продолжай.

— Значит, весной выяснилось, что насыровский район резко снизил площади под зерновые. Насырова на ковер. Он не поехал, послал зама. Зам объяснил, что урожайность все равно хреновая, поэтому решили уйти в животноводство, а землю отдать под фураж. Зама раком — ты что, сука, не в курсах, что мы по зерновым на рекорд идем. Зам мычит и руками водит. Мухутдинов говорит: Насырова ко мне... Ну и все, собственно.

— В смысле все? — не понял ГФИ.

— Ну, с тех пор Насыров так и едет.

— Смело. А может, мужчина в запой ушел?

— А тут, Ренат Асрарович, совсем смешно. Были данные, что он перестал пить. Совсем то есть.

— А раньше пил?

— О-о, — сказал Денис.

— Ну да, — согласился Шайхельисламов. — По трезвянке главному менту в репу не настучишь. А в чем дело? Трипак схватил или в ислам ударился?

— Да бог его знает. Просто такие данные есть — начисто перестал пить.

— Правильно, с такой водой водка на фиг нужна, — сказал ГФИ и уткнулся в справку.

— Так что мультка-то это... — хихикнув, начал было Сайфиев, но Шайхельисламов прервал его:

— А что у нас с видами на урожай в этом году?

Денис пожал плечами и начал было говорить, что если надо выяснить, то мы сейчас.

— А когда аграрное совещание? — снова оборвал его босс.

— Да сегодня вроде, — неуверенно сказал Денис.

— Во-от, — удовлетворенно протянул ГФИ. — А почему ты не там?

Денис поперхнулся и возмущенно посмотрел на босса.

— А не надо меня глазами прожигать, я огнеупорный, — предупредил ГФИ. — Нельзя пропускать республиканские мероприятия. Непрофессионально это.

— Не, ну что такое, Ренат Асрарович! — не выдержал Денис.

— А что такое? — осведомился ГФИ. — Вот позвонит сейчас полпред, спросит, как у нас обстоят дела с закромами родины. А мы что скажем — что нас внутренние проблемы отвлекли?

Денис потоптался на месте и мрачно сказал:

— Сейчас все узнаю и доложу.

— Тихо, — скомандовал ГФИ. — Не мельтеши. Тут дело такое: все, как говорится, к лучшему. Хорошо, что нас там

не было. Им же и вольнее. И не надо сейчас никому звонить. Просто иди и пообедай. Обедал сегодня?

— Нет, — обиженно сказал Денис.

— Вперед. И я тоже пообедаю. Никуда не собираешься во второй половине?

— Ну как... Хотел с Петуховым перетереть, там взносы, все такое. Но точно не договаривались.

— Добро. Давай так. Меня дождись, потом обсудим — и дальше решим, как у нас все срастается.

Денис заждался, но дождался. ГФИ вернулся около пяти — так что встречу с главой политсовета местной партии власти пришлось отменить. И слава богу.

— Денис, ты в Аждахаеве был? — спросил ГФИ, едва Сайфиев вошел к нему в кабинет.

— Когда?

— Вообще.

— Бог миловал. А, нет. То есть это можно не считать — проезжал район, когда в Оренбург... А что? — запоздало насторожился Денис.

— Ехать надо, — сказал ГФИ.

— О как. А когда?

— Сегодня. Самый край — завтра утром, — сообщил ГФИ. Вроде не шутя.

— О как, — растерянно повторил Сайфиев. Подумав, решил уточнить: — Контакт с Насыровым был?

— Контакт... Космонавт ты у нас прямо, Денис Маратович. «Союз — Аполлон». Тут не до контактов уже — забуриваться надо, пока претендента того... не скушали.

ГФИ был прав. Ехать оказалось необходимо, несмотря на отчаянное нежелание срывать в неведомые колхозные дали. Неизвестный Сайфиеву конфиденент Шайхельисламова (Денис в чужие секреты не лез и полишинелей предпочитал не узнавать при всей их беспощадной узнаваемости) рассказал, что с момента исторической встречи президента республики с заместителем

главы администрации Аждахаевского района Мухутдинов приглашал Насырова трижды. Первый раз, в начале июня, на заседание республиканского совета безопасности прибыл другой замглавы — курирующий в райадминистрации нефтянку и силовой блок. Видимо, поэтому Мухутдинов такой финт стерпел. Но выступить аждахаевцу не дал, вопреки программе мероприятия. Спросил, где *хиса**, кивнул, сказал: «Ну, как выздоровеет, сам доложится» — и посадил побагровевшего замглавы на место.

Пару недель назад вообще вышел скандал. На расширенное заседание кабмина Насыров снова прислал зама — третьего, очевидно последнего. Мухутдинов, едва поздоровавшись с залом, спросил: «Где Насыров?» Поднявшийся с места аждахаевец даже отчество президента договорить не успел. Мухутдинов сказал: «Так, дорогой, езжай домой. С замами я говорить не буду. Что стоишь? Домой-домой. Альберту Гимаевичу пламенный привет».

Заседание было посвящено развитию нефтянки и оборонки, поэтому проходило без прессы. И похоже, присутствовавшие поняли, что Мухутдинов завелся всерьез. Поэтому никому ничего по поводу инцидента не слили. Что не помешало ГФИ при пересказе этого эпизода очень выразительно посмотреть на заместителя и отпустить пару фраз про несерьезное отношение молодежи к работе с источниками.

Денис оскорбление проглотил. Потому что ГФИ перешел к сегодняшним событиям.

Насыров, похоже, сорвался с резбы. Он явно учел обещание президента не общаться со вторыми лицами. Сегодня аждахаевский глава прислал в Казань даже не зама, а заведомо сельского хозяйства.

Мухутдинова, который традиционно начал совещание — по счастью, снова закрытое для прессы — выкриком Насырова, это ушибло настолько, что он вытащил аждахаевца на трибуну

* Хозяин (*тат.*).

и предложил высказаться на любую интересную высокому гостю тему. Но мужик — точнее, парень — оказался храбрый и толковый, очевидно, из городских высокооплачиваемых, перекупленных Насыровым в последние месяцы. Со спокойствием, пересекшим границу наглости, аграрий сказал, что воздержится от пространных выступлений, чтобы не утомлять аудиторию, а вкратце обоснует переориентацию района с растениеводства на животноводство. Аудитория вымерла. Мухутдинов подпер щеку рукой и сказал: «Изнемогаем от нетерпения».

Речь в самом деле была короткой и эффектной. Если парень не врал, то в первом полугодии выручка аграрного сектора в районе выросла в шесть раз. По итогам года разница, конечно, должна была сократиться — в связи с тем, что урожай зерновых продается все-таки в осенние месяцы, в отличие от мясо-молочной продукции, реализация которой относительно равномерно размазана по году. Но все равно в новый год сельчане намеревались войти с чистой прибылью, не гигантской, но весомой. В следующем году она должна была утроиться за счет запуска бутылочного комплекса. Для Аждахаевского района, по аграрным показателям болтавшегося на уровне рентабельности, это было чудом. А для большинства районов, мечтавших об этом уровне как о коммунизме — яростно и нерегулярно, — оскорблением. Аудитория слегка ожила и злобно забубнила.

Что-то великовата у вас реализация получается, сказал Мухутдинов, разглядывая пометки в блокноте. Как будто сам район потребление по мясу и молоку резко снизил. Вы что, крестьян на фураж перевели?

Аждахаевец улыбнулся и пожал плечом.

А то, что мы благодаря вашему району недобираем двести тысяч тонн твердой пшеницы к плану, продолжил Мухутдинов, — это как?

А никак, спокойно ответил аждахаевец. Твердость, вы знаете, спорной была. И потом, нам что нужно — денег зарабатывать, людей прокормить, или бумажкой пустой помахать?

Аудитория вымерла снова, а местами даже истлела.

Спасибо, молодой человек, ласково сказал Мухутдинов. На этом, пожалуй, объявим перерыв. Вас, молодой человек, не задерживаем. Можете возвращаться домой. Альберту Гимаевичу, как всегда, привет пламенный. Скоро, *Alla birsä**, увидимся.

— Такой скандал, Денис, уже не скрыть. Утечка не сегодня, так завтра пойдет. А там и до Нижнего с Москвой докажется. Вопросы возникнут. И у нас должны быть ответы наготове. Верные и единственно возможные. Я уж не говорю про то, что Мухутдинов может завтра в Аждахаево нагряться, чтобы с Насырова голову снять.

— Может, конечно, — задумчиво сказал Денис. — А может и выждать недельку. Чтобы Насыров попугался. Хотя он, похоже, страх на фиг вообще потерял.

— Во-во. Не понимаю я, Денис. Когда человек так себя ведет — он или дурак, или у него крыша не любить какая крутая. Ну, ты помнишь Галиуллина.

Денис помнил. Галиуллин был казанским вице-мэром, которому ГФИ интереса ради сообщил, что его кандидатура вошла в утвержденный Москвой короткий список кадрового резерва. Галиуллин обрадовался настолько, что уже через пару недель его имя пришлось вносить в другой, черный список.

— Так ведь нет у него никакой крыши! — воскликнул ГФИ.

— А может, действительно болеет? — предположил Денис.

— А может, умер, а подчиненные скрывают. А может, ваххабитом стал и оружие скупает. А может, в законники коронован и теперь по понятиям живет. Все может быть. Вот ты и выяснишь. Езжай прямо сейчас. Деньги у Нины возьми, по возвращении оформишь. В пятницу жду. Лучше раньше, но сильно не торопись. Счастливо.

* Бог даст (*там.*).

Главный технолог

Райцентр Аждахаево был откровенно богатым, но каким-то заброшенным — как Сургут или Шарджа, в окрестностях которых внезапно и навсегда, в середине финансового года, высохла вся нефть. Или как элитный жилой комплекс, почти достроенный к тому моменту, как генподрядчик сбежал с деньгами.

Городской тип поселка оправдывался в первую очередь дорогами — широкими и с толстым асфальтом. В центре они были обставлены двухэтажными домами барачного типа, но веселенькой расцветки, на окраине — блочными финскими коттеджами и деревянными избами. Коттеджи были новехонькими, избы — старыми, но обязательно окруженными свежим пристроем вроде гаражей и сарайчиков. При этом Денис насчитал как минимум пять недостроенных домов обоих типов. Разглядеть детали на ходу и сквозь деревья, агрессивно заполнившие все свободное от дорог и дворов пространство, было трудно — но стройки казались заброшенными давно и решительно. Коттеджи существовали по пояс, срубы стояли безголовыми. Возможно, застройщик предпочел купить готовое жилье, высвободившееся по случаю. Но почему ни он, ни сосед-доброхот не додумались разобрать уже слеplенный стройматериал и загнать его на сторону, объяснить было решительно невозможно.

При этом возле каждого второго дома стоял автомобиль — как правило, не характерный для деревень «Москвич» или уазик, а «восьмерка», «Нива», в том числе новая, или не слишком пожилая иномарка. Предпочтение отдавалось универсалам.

В результате поселок напоминал учебный автополигон в санитарный день. Кроме джипа-денисовоза, аждахаевский трафик обеспечивала пара салатных школьных автобусов и несколько истошных мотоциклов с колясками. К чему, спрашивается, было так усиленно дороги мостить. Впрочем, Денис не исключал, что весь подвижный автопарк выстроился сейчас

вокруг нефтяных участков и прочих поселкообразующих предприятий.

Возможно, он так решил, поскольку на улицах было очень мало народу. Точнее, почти совсем не было. В течение дня, пока Дениса таскали туда-сюда, как нитяную строчку по сложно-сочиненному комбинезону, он заметил три-четыре группки молодых людей. И не факт, что это не была одна и та же лениво перемещавшаяся группка.

Впрочем, гораздо больше Сайфиева интересовали иные особенности Аждахаева.

Денис привык к различным моделям поведения хозяев, встречавших пусть небольшого, но все равно федерального чиновника. Одни рассыпались мелким бесом на почти невидимый бисер, себе резали подметки, а гостям мыли ноги — и все на ходу. Другие — совсем редкие — держались с диаволической гордостью, гостя игнорировали, излучая в пространство: «Раз такой умный, пусть сам все узнает». Ни эти крайности, ни то, что плескалось между ними, Сайфиева особо не трогали. Он просто в любом подходе изучаемых находил основание для снисходительного лукавого торжества по поводу того, что вот вы стараетесь, крутитесь, вертитесь, деньги суете, морды воротите — а все равно как я решил, так и будет. С вами. Со всеми.

Аждахаево выбрало иную тактику, в которой Денис никак не мог разобраться. С одной стороны, Дениса немедленно принялись опекать как наследного принца дружественной страны. С другой — бесцеремонно откармливали и пытались отпаивать (несмотря на жесткие объяснения Дениса) словно выставочного пороса перед свинскими соревнованиями. С третьей — мгновенно организовали программу знакомства с районом, масштабную и бесконечную, при этом действительно любопытную: будь Денис журналистом «Советской Татарии» или бытописателем, материалу набрал бы на книгу очерков. С четвертой — внимание и радушие в направлении высокого (сто восемьдесят четыре сантиметра) гостя источали сугубо чиновники

низового и среднего уровня. Вергилием выступала Сания Шакурова, крупная эффектная брюнетка средних лет, заместитель главы администрации по социальным вопросам. Вокруг нее вихорьками металась челядь рангом пониже. В должности Шакурова была недавно, Насыров переманил ее из соседнего района, с какой-то небольшой должности, и не прогадал. Шакурова знала об Аждахаеве, его окрестностях, республике и вселенной все и доводила до сведения собеседника любые данные, казавшиеся лично ей интересными, не обращая внимания на то, хочет ли он вообще это знать или видеть. Денис ее уже малость побаивался.

Сначала Сайфиева это забавляло. Денис полагал, что его просто так торжественно готовят ко встрече с первым лицом: сперва парадная встреча антикварной «Аннушки» в местном аэропорту, ловко совмещенном с ипподромом, потом заселение в занимавший треть микроскопической гостиницы люкс с бильярдом, сауной и неработающим джакузи, далее изнурительное таскание по ударным капстройкам и ненатужное хвастовство достижениями народного и околонародного хозяйства: молокозавод, нефтегазодобывающее управление, качалки, вышки, ипподром, пасека и уже невозможно вспомнить чего еще. Наверняка, думал Денис, подвезут к загородному особняку, богатому такому, и с веранды спустится Насыров, величавый и весь в белом, как Сталин из фильма «Взятие Берлина» (или Рабинович из анекдота), пожмет руку и отечески осведомится: «Ну, как вам у нас? Никто не обижает, не надоедает?»

Так ни фигя подобного. Дениса до глубокого вечера таскали по автотранспортному предприятию, Сания рассказывала о проекте «Школьный автобус», а сопровождавший гостей гендир АТП-1 согласно шмыгал носом. Ужин был организован здесь же, и Денис наконец понял смысл древней юморески про так и не заслушанного начальника транспортного цеха. Пить он опять отказался, очевидно расстроив Санию, зато от усталости потерял контроль над руками и желудком и слегка переел. Этим

он слегка утешил кураторшу, которая даже перестала потирать запястье под широким металлическим браслетом.

Денис подозревал, что аждахаевцы не намерены ограничивать ублажение гостя гастрономическими заходами. Он был готов к тому, что в отеле *Asdaha* его встретит миловидная девушка — или в холле (ресепшен в гостинице отсутствовал, ключи от комнат второго и третьего этажей выдавал администратор ресторана, тихо буйствовавшего на первом), или постучит в дверь и попросит мясорубку, клей «Момент» либо еще какую-нибудь вещь, остро необходимую в одиннадцать вечера миловидной девушке с вот такими ногами и вот таким бюстом. Денис так и не понял, как будет реагировать на визит: одни из придуманных вариантов заставляли холодно сладко замирать его внутренности, размещенные где-то между желудком и легкими (как мальчик, ей-богу, смущенно отметил он — в самом деле афродизиачная вода, по ходу), другие — наполняли горьким самоуважением. В итоге все ушли в помойку. В дверь никто не постучал, по телефону не позвонил. В ресторан Денис решил не спускаться — чего уж провоцировать. И вообще, едва он представлял запах любой, даже самой изощренной и любимой еды, как становилось Денису очень плохо. Очень.

Денис позвонил Светке и сразу пожалел об этом. А толку-то. Пять минут говорил, потом столько же бродил по номеру, а потом надел пиджак и твердым шагом двинул в ресторан. Не собирался он никому мстить, никого провоцировать, и есть не хотел. Но надо же было составить хоть какое-то представление о ночной жизни родной страны в ее глубинных проявлениях.

Зал был уютным, музыка — негромкой. Провоцировать оказалось некого — не молодую же пару в углу возле пустой сцены разлучать. Сцена была с шестом, блестящим таким. Шест Дениса умилил. Но хозяйки инвентаря на посту не случилось. Ее недостачу как могла компенсировала пожилая белолицая официантка. Она хотя бы выглядела не вульгарной и меню протянула безо всяких выкрутасов.